

А.И. Царевский

Посошков и его сочинения

**Обзор сочинений Посошкова (изданных и
неизданных) со стороны их религиозного
характера и историко-литературного значения**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А.И. Царевский**
Посошков и его сочинения: Обзор сочинений Посошкова (изданных и неизданных) со стороны их религиозного характера и историко-литературного значения / А.И. Царевский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 279 с.

ISBN 978-5-518-07285-5

Посошков и его сочинения. Обзор сочинений Посошкова (изданных и неизданных) со стороны их религиозного характера и историко-литературного значения

ISBN 978-5-518-07285-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторія петровскаго времени, между множествомъ выдающихся личностей и событій, которыми такъ богата была эта пора сверхъ-нормальнаго напряженія русской жизни, далеко уже заднимъ числомъ отмѣтила замѣчательный фактъ изъ исторіи современной литературы: она сохранила намъ негромкое имя самороднаго русскаго публициста, крестьянина Ивана Тихоновича Посошкова. Долгое время послѣ его смерти, Посошковъ оставался совершенно незамѣченнымъ, какъ онъ не былъ замѣченъ и въ свое время. Случайно открывавшіяся рукописи сочиненій Посошкова постепенно проникали въ печать, на первыхъ порахъ не останавливая на себѣ особеннаго вниманія. Имя «мизернаго крестьянина», вѣроятно, мало внушало къ себѣ довѣрія; о немъ упоминалось вскользь, самое его существованіе даже заподозривалось, сочиненія его также бѣгло оспаривались и во всякомъ случаѣ не находили себѣ серьезнаго изслѣдователя. Пекарскій, въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о литературѣ при Петрѣ, не счелъ нужнымъ даже и упомянуть о Посошковѣ. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ сочиненіями Посошкова тѣхъ немногихъ лицъ, которыя имѣли къ тому случай (напр. издатели его сочиненій), убѣдило послѣднихъ въ драгоцѣнности этихъ забытыхъ произведеній, какъ памятниковъ литературно-историческихъ, воспроизводящихъ и объясняющихъ любопытнѣйшую эпоху отечественной исторіи. Эти немногія лица (Погодинъ, А. Поповъ, Врикнеръ) увидѣли въ Посошковѣ «геніальнаго мыслителя», «русскаго государственнаго генія, съ умомъ проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ...»: въ произведеніяхъ Посошкова они увидѣли «безсмертныя творенія», «высокое произведеніе здраваго русскаго смн-

сла», «полное, обстоятельное изслѣдованіе о Россіи при Петрѣ великаго русскаго политика-самоучки» и пр. Подобные восторженные отзы́вы, какъ бы они ни были немногочисленны, естественно усилили интересъ къ Посошкову. Имя его, наконецъ, извлечено изъ забвенія и начинаетъ теперь пріобрѣтать большую и большую популярность въ наукѣ русской исторіи и литературы. Тѣмъ не менѣе, и теперь личность Посошкова еще далеко не вполне обслѣдована и сочиненія его разсмотрѣны, можно сказать, съ одной только стороны.

Общее представленіе, сложившееся о Посошковѣ у лицъ знакомыхъ съ этимъ именемъ, обыкновенно рисуетъ его какъ русскаго политико-экономиста. Такимъ, главнымъ образомъ, онъ, дѣйствительно, и являлся для читающей публики до настоящаго времени. Ранѣе другихъ приведенное въ извѣстность его сочиненіе: «Книга о скудости и богатствѣ» было по преимуществу экономическаго характера, и оно-то установило взглядъ на Посошкова. Тѣ немногія замѣтки и изслѣдованія о Посошковѣ, которыя появлялись въ литературѣ, почти исключительно разсматривали его съ этой именно стороны. Между тѣмъ уже и Книга о скудости и богатствѣ, помимо ея политико-экономическаго значенія, имѣетъ широкой научный интересъ, какъ документъ собственно *историческій*, какъ полная и правдивая картина внутренней жизни Россіи конца XVII и начала XVIII ст. Но Посошковъ извѣстенъ теперь уже далеко не одною только Книгою о скудости и богатствѣ. Въ послѣднія десятилѣтія сдѣланы новыя капиталнѣйшія открытія о немъ. Въ 1863 году явилось въ печати другое замѣчательное сочиненіе Посошкова: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе», которое, какъ теперь оказывается, составляетъ только часть — и притомъ въ сокращенной редакціи — громаднаго полемическаго сочиненія: «Зерцала очевиднаго», рукописный списокъ котораго хранится въ библиотекѣ Казанской Духовной Академіи. Наконецъ, въ 1873 г. было открыто и издано третье большое сочиненіе Посошкова, его «Завѣщаніе отеческое». Эти послѣднія сочиненія не дождались пока спеціальнаго систематическаго просмотра и въ полномъ

ихъ составѣ доселѣ еще остаются неразобранными. Между тѣмъ, они восполняютъ историческія данныя Книги о скудости и богатствѣ новымъ, обильнымъ и еще болѣе дорогимъ матеріаломъ. Здѣсь Посошковъ, воздерживаясь отъ политико-экономическихъ соображеній и проектовъ, является по преимуществу правописателемъ своей эпохи, представителемъ своего времени, воспитавшимся подъ воздѣйствіями разнохарактерныхъ направленій, порожденныхъ реформой, является образцомъ здравомыслящаго, глубокорелигіознаго и строгоправославнаго русскаго человѣка вообще и семьянина въ частности, является, наконецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже идеалистомъ, стремящимся упорядочить современную жизнь, поднять ее до уровня возвышенныхъ требованій христіанской морали, довести ее до иѣрки тѣхъ нравственно-практическихъ идеаловъ, которые носились въ представленіи Посошкова. Такимъ образомъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ положительныя свѣдѣнія о состояніи русскаго общества во время реформы, о состояніи раскола, о вліяніи иновѣрія, о силѣ иноземческаго элемента въ тогдашней Руси и пр. и пр., Посошковъ знакомитъ насъ и съ состояніемъ религіозно-нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ, съ внутреннимъ міромъ его понятій и воззрѣній, идей и идеаловъ.

Не менѣе интересны сочиненія Посошкова въ отношеніи *литературномъ*. По времени своего появленія они стоятъ на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, отсюда и въ содержаніи своемъ представляютъ любопытнѣйшее сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени. Служа прекраснымъ образчикомъ до-петровской письменности по своему строго-религіозному характеру и направленію, по своему стилю и языку, они въ то же время переполнены уже мыслями и взглядами, предвѣщавшими наступленіе новой эпохи въ жизни Россіи и навѣяанными уже начинавшимся тогда въ ней переворотомъ. Сочиненія Посошкова служатъ, такимъ образомъ, заключеніемъ древней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіемъ, подготовительною работою къ литературѣ новой. Нося въ себѣ смѣшеніе старыхъ традицій съ новыми запросами, принадлежа дряней Россіи, но уже су-

нственно соприкасалась и съ новою жизнью, сочиненія Посошкова представляютъ собою живое отраженіе своего времени, служатъ знаменіемъ своей смѣшанной, переходной эпохи.

Въ своемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить направленіе, выяснитъ взгляды и идеалы Посошкова, чтобы выработать болѣе или менѣе цѣльное представленіе о немъ, какъ о живой личности своего времени. Обращаясь же къ спеціальному обзорѣнію сочиненій, какъ единственному источнику нашихъ свѣдѣній о Посошковѣ, мы предложимъ анализъ важнѣйшихъ изъ нихъ. При этомъ будемъ обращать преимущественное вниманіе съ одной стороны на историко-литературное значеніе этихъ сочиненій, т. е. на отношеніе ихъ къ жизни того времени и мѣсто ихъ въ исторіи русской литературы; съ другой на преимущественный, всепроникающій характеръ этихъ сочиненій — религіозно-практическій.

В В Е Д Е Н І Е.

Посошковъ какъ человекъ и какъ писатель.

Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обзоріе извѣстнѣе его сочиненій.

Посошковъ, какъ историческая личность, представляетъ собою замѣчательный, въ высшей степени любопытный типъ своего времени и того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Необыкновенно трудолюбивый, энергичный, предприимчивый, Посошковъ представляется живымъ порожденіемъ своей эпохи, искусственно ускоренной въ естественномъ процессѣ роста и развитія, а потому безпримѣрно дѣловой, бурной. Самый фактъ писательства Посошкова, проявляя его необычайную пытливость въ области даже наиболѣе ему чуждой, обнаруживаетъ въ то же время замѣчательную, характерную черту и вообще преобразовательной эпохи, когда кипучая дѣятельность и великій трудъ получили особенное приращеніе, когда выработался особый типъ такихъ людей, любознательныхъ, дѣятельныхъ, искавшихъ въ трудѣ выходъ изъ тревогъ и затрудненій жизни общественной, для которыхъ и умственная, долготѣ непривычная работа сдѣлалась нравственнымъ убѣжищемъ отъ гнетущихъ голову недоумѣній, сомнѣній, желаній, порожденныхъ реформаторскимъ движеніемъ, рѣшительно всколотившимъ умственный сонъ и вѣковую дрему русскаго человека. Поэтому, личность Посошкова, уже сама по себѣ, является весьма любопытнымъ и интереснымъ предметомъ изученія. И прежде чѣмъ что либо говорить о сочиненіяхъ Посошкова и по поводу ихъ, мы неизбежно должны бросить хотя бѣглый, вслѣдствіе ограниченности матеріала, взглядъ на его трудовую, подвижную жизнь и разно-

характерную дѣятельность, познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ его личностью, тѣмъ болѣе, что ею всецѣло проникнуты и типически запечатлѣны всѣ сочиненія Посошкова, съ первой и до послѣдней ихъ строчки.

Напрасно бы мы стали искать въ нашей литературѣ готовой полной біографіи Посошкова или какихъ либо монографій, касающихся жизни этого забытаго человѣка. За исключеніемъ немногихъ, случайно попавшихся въ старинныхъ архивахъ судебныхъ дѣлъ, тяжебъ, въ которыхъ переплетается и имя Посошкова, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о его жизни и положеніи. Единственнымъ памятникомъ о Посошковѣ и источникомъ всякихъ нашихъ свѣдѣній о немъ являются только его сочиненія: чрезъ нихъ мы знакомимся съ крѣпкимъ самороднымъ умомъ Посошкова, изъ нихъ мы получаемъ представленіе нравственной личности этого великаго простолудина, отсюда же исключительно почти приходится намъ извлекать и біографическія свѣдѣнія о жизни и занятіяхъ, матеріальномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ Посошкова. Впрочемъ, матеріалъ, даваемый сочиненіями Посошкова въ этомъ послѣднемъ отношеніи крайне ограниченъ, а потому и наши біографическія свѣдѣнія о немъ остаются далеко неполными. Общая манера древнерусскихъ авторовъ намѣренно скрывать за своими твореніями, сказалась и въ Посошковѣ: онъ не только нигдѣ не излагаетъ обстоятельно своего жизнеописанія, а, напротивъ, менѣе всего старается заинтересовать читателя своею личностію, и всякія указанія на себя приводитъ развѣ только въ качествѣ примѣровъ, въ самомъ сжатомъ видѣ и притомъ съ замѣтнымъ стремленіемъ вездѣ только унижить себя. — Извѣстный изслѣдователь древностей литературныхъ — Погодинъ сдѣлалъ первую и единственную попытку, на основаніи бывшихъ тогда въ извѣстности сочиненій Посошкова, сгруппировать его отрывочныя свидѣтельства о себѣ и, при помощи нѣкоторыхъ открытыхъ въ архивахъ документовъ, воспроизвести по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты и случаи изъ жизни Посошкова.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился, по всѣмъ соображеніямъ, около 1670 года. Въ подписи къ своимъ сочиненіямъ Посошковъ обыкновенно называетъ себя московскимъ уроженцемъ. Точнѣе мѣстомъ своей родины Посошковъ называетъ въ одномъ мѣстѣ подмосковное село Покровское (составляющее теперь часть Москвы): «писавшій села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ» (Донон. къ Ст. Яворскому). Къ концу своей жизни Посош-

ковъ жилъ около Новгородъ. По аваню своему Посошниковъ былъ крестьянинъ, какъ это можно видѣть изъ многократныхъ его указаній: «земледѣлецъ осмь, убогій миринилъ», «писавнй сіе убогій земледѣлецъ», «что осмь азъ? — въ разумѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ»¹⁾ и пр. Постоянно также Посошниковъ называетъ себя простолюдиномъ. О молодости и первоначальной семейной обстановкѣ Посошникова мы ничего не знаемъ. Въ первый разъ онъ является намъ уже «крестьянникомъ», т. е. челоукомъ, во всякомъ случаѣ, взрослымъ, и является прямо какъ личность, выдающаяся изъ ряда по своей сообразительности, смѣтливости, интересующаяся всѣмъ происходящимъ на его глазахъ, критически относящаяся къ порядкамъ жизни. Замѣчательно, что въ первый разъ, такъ же какъ и въ послѣдній, мы встрѣчаемъ Посошкова въ тюрьмѣ. Поводомъ къ первому аресту послужило слѣдующее обстоятельство, приведенное въ извѣстность Соловьевымъ. По вступленіи въ управленіе Петра I-го, повеленіе молодого царя вызвало всеобщее неудовольствіе: жаловались на негѣхъ Петра, на требовавіе гражданыхъ усилій походы, на сближеніе его съ иностранцами и пр. Въ ряду недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣйствій, несогласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями народа, мы встрѣчаемъ и Посошкова. Разсужденія о политическихъ событіяхъ Иванъ Посошниковъ велъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Романомъ и еще нѣкоторыми лицами у строителя московскаго Андреевскаго монастыря Авраамія. Плодомъ этихъ разсужденій была довольно рѣзкая записка политическаго содержанія, которую Авраамій осмѣлился подать Петру. Поднято было по этому случаю дѣло, въ которомъ только братьямъ Посошковымъ удалось оправдаться и освободиться отъ ареста, такъ какъ Авраамій «сговорилъ» съ нихъ. Такова была первоначальная школа Посошкова. Примѣръ Авраамія научилъ Посошкова осторожности, но не отнял духа обличать общественныя язвы: въ широкихъ размѣрахъ продолжалъ онъ дѣло, начатое въ кельяхъ Андреевскаго монастыря.

Что касается умственнаго образованія, то, очевидно, Посошкову не удалось пройти никакой школы». Мы люди немудрые, вѣтреной (т. е.

¹⁾ Донош. въ Ст. Явор. Соч. Пос. т. I стр. 316; Проектъ о школахъ — ркп. Ак. Наукъ № 102; Посл. Головину — Соч. Пос. I т. 291 стр., т. II стр. 272 и др.

по Посошкову замерской, свѣтской, школьной) мудрости не учились»¹⁾, говорить онъ вообще, не выдѣляясь изъ своего сословія. Гораздо чаще говорить онъ о своемъ лично необразованіи: «книжныя премудрости не наученъ есмь», «человѣкъ я есмь неученый» и нишу «отъ своего простоумія»; «весьма азъ мизеренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему дѣстятъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо слѣпый протецъ есмь»; «азъ неученый есмь человѣкъ, того ради не по наукѣ и писахъ. Азъ что есмь и кто есмь? — въ разумѣ немотуай младенецъ, въ художествѣ работникъ» и пр. «Аще кто помнитъ», предусмотрительно замѣчаетъ Посошковъ, «яко я тщеслава унижаю себя: ни! по зри на сложенію книги сея (Зерцало очевидное), можно бо всякому и по сложенію разумѣти мя, яко протецъ есмь»²⁾. Но соглашались съ Посошковымъ, что въ школьномъ ученіи онъ неискусенъ, нельзя однако согласиться съ его признаніями о простоуміи, о мизерности и прототѣ разума. Подобныя признанія можно объяснить только смиреніемъ и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякой заносчивости въ этомъ высоко-правдивомъ человѣкѣ. Напротивъ, именно сложеніе-то книги его и обнаруживаетъ въ немъ человѣка въ высшей степени умнаго, высоко развитаго для своего времени и начитаннаго не въ примѣръ громаднѣйшему большинству своихъ современниковъ. Такъ прежде всего, сознаніе Посошкова, что онъ и «въ художествѣ» только простой работникъ, является въ его устахъ намѣреннымъ самоуничиженіемъ. Хорошо извѣстно, что это былъ человѣкъ замѣчательно способный и свѣдущій въ различныхъ ремеслахъ, извѣстный въ свое время техникъ, механикъ-самоучка. Вышеприведенное дѣло Авраамія, открывая намъ убѣжденія и мнѣнія среды, въ которой вращался Посошковъ, свидѣтельствуетъ и о технической опытности его. Въ протоколѣ допроса Посошкова сказано, что «Авраамій знакомцемъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднось къ великому Государю»³⁾. Нужно полагать, что Посошковъ, призванный Аврааміемъ для составленія денежнаго станка, былъ тогда уже опытнымъ и извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Авраамію, какъ по-

¹⁾ Зерцало очевидное, ркп. Казан. Акад. л. 201.

²⁾ Соч. Пос. т. II стр. 272. 194: Проектъ о школахъ л. I; Кн. о ск. и бог.— Соч. Пос. I т. стр. 46; Зерц. очев. л. 243 об. и др.

³⁾ Ист. Россіи Соловьева XIV т. 243 стр.

лезнаго мастера въ такихъ работахъ. Вскорѣ послѣ этого Иванъ Тихоновичъ хлопоталъ на денежномъ дворѣ, установилъ денежныя станы и состроилъ инструменты для чекана. «Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежныя, — и деньги стаятъ не вредны». И послѣ, «егда состоялся указъ дѣлать кружныя деньги мѣдныя, то никто не смыкался инструментами къ такому дѣлу состроить. Иностранецъ Фробусъ началъ добить мастеровъ изъ-за моря; а я, видя протажность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло установилъ; иностранцамъ въ томъ я еще и учинилъ пакость, обаче мнѣ никады никакой не было» (Соч. Пос. т. I стр. 212 и 213). Потомъ имъ застали Посошкова въ сношеніяхъ даже съ самимъ государемъ, именно онять-таки вслѣдствіе его механической опытности: «прежнего году (1700), рассказываетъ Посошковъ въ донесеніи Головину, Великій Государь изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльныя, въ три ряда, а въ нихъ устроить по затвонной пшцали, обращающейся на все стороны. И потому его государевн словеса мнѣ для примѣру рогатку я сдѣлалъ» (I т. 270 стр.). Въ главѣ «О художествѣ» (Книга о снудости и богатствѣ), говоря о важности вообще всякихъ изобрѣтеній, между прочимъ Посошковъ замѣчаетъ и о себѣ: «кто есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было» (I, 142). Итакъ, Посошковъ, очевидно, обладалъ замѣчательною опытностію въ разныхъ механическихъ работахъ. Кромѣ того, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями усиѣннаго приготовленія военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для приготовленія боевыхъ орудій; подробно и дѣльно говоритъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ о киркахъ, которыя употреблялись для земляныхъ работъ, о сабляхъ, коньяхъ и пр. (Напр. I т. 283—286 стр.). Посошкову доступны были открытія даже въ минералогіи: «я и небольшое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и не знаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: смыкалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна камени янтарию,... лекарственную матерію смыкалъ я, нарицаемую гумъ сфальтумъ,.. нефти смыкалъ я многое чело, вокры и червленн,... пунентъ есть у меня въ примѣнѣ» (I, 152 и 153 стр.). Снѣтливости умственной соответствовала въ Посошковѣ и физическая ловкость въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ; такъ, въ молодыхъ лѣтахъ онъ въ совершенствѣ научился искусству владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ своею ловкостью въ этомъ дѣлѣ: «былъ я, — рассказываетъ онъ, — еще въ

молодыхъ лѣтахъ на Пензѣ и тамошніе жители усмотрѣли во нѣ, что я гораздо цѣльнѣе стрѣляю, то истинно не лгу, что говорили нѣ: останься-де ты здѣсь въ лѣто, то-де мы татарь не будемъ бѣгаться,... видишь-де ми, что ты скорѣе стрѣлять и пулей даромъ не тратишь, а татари-де напорчиво наираютъ, что мы не утѣмъ никого изъ нихъ убить, а тебя видишь, что ты и во лицу убиваешь» (I, 39). При своихъ природныхъ дарованіяхъ Посониковъ владѣлъ значительно и положительными свѣдѣніями въ разныхъ областяхъ знанія; напр., онъ великолѣпно зналъ почву различныхъ мѣстностей Россіи и способность ея къ плодородію незнакомыхъ рода продуктовъ; практически и конечно въ общихъ чертахъ знакомъ былъ съ разными языками: греческимъ, латинскимъ, польскимъ; онъ былъ специалистъ въ винномъ производствѣ, такъ что былъ рекомендованъ Меншикову для этого дѣла и состоялъ у водочнаго строенія въ Москвѣ; зналъ теорію рисованія¹⁾ и пр. и пр. Но особенно Посониковъ выдается какъ человекъ глубоко религіозный и замѣчательно начитанный въ богословской литературѣ. Имѣя въ виду ниже подробнѣе заняться изслѣдованіемъ религіознаго характера сочиненій Посоникова, здѣсь сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о богословской начитанности его. Прежде всего, Посониковъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ Священнаго Писанія, доказательствомъ чему служатъ встречающіеся на каждой страницѣ (особенно Зерцала и Записанія отеческаго) тексты изъ книгъ ветхаго и новаго завета. Цитированіе извѣстныхъ мѣстъ Писанія и многократныя стремленія Посоникова разъяснять приводимые тексты, показываютъ, что онъ не механически читалъ и заучивалъ священныя книги, но относился къ нимъ сознательно, усмываясь постигнуть внутренней смыслъ болѣе или менѣе недоумѣннаго. «Я есмь человекъ неученый, но токмо въ парѣхъ Божіихъ дарованіяхъ отчасти знаю», признается Посониковъ предъ расколыниками; «обаче васъ многократно вляцши въ Писаніи Божіихъ откровеніемъ разумѣю» (т. II, стр. 194). Посониковъ извучилъ также нѣкоторыя свята-отеческія творенія, чему свидѣльствомъ служатъ многократныя же ссылки на Отцовъ Церкви и выписки изъ ихъ сочиненій. Такъ особенно часто Посониковъ цитуетъ Златоуста, Василія В., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Тео-

¹⁾ Соч. Пос. т. I, стр. 137; II, 266, 205; Исторія Петра В. Устрялова, т. I, стр. LX; Полное Собр. Зак. т. IV № 2094; Ист. Россіи Соловьева, т. XV, стр. 95; Записаніе отеческое стр. 188.